

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКИХ ИМПЕРСКИХ ВЛАСТЕЙ ЯПОНСКОЙ РАЗВЕДКЕ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В статье анализируется деятельность российских силовых структур по борьбе с японским шпионажем накануне Первой мировой войны. Отмечается, что благодаря тому, что японские разведчики в своей работе опирались на японское и корейское население дальневосточной окраины Российской империи российские власти не смогли добиться серьезного успеха в противодействии японскому шпионажу.

The summary In article is analyzed activities of the Russian power structures for fight against Japanese espionage on the eve of World War I. It is noted that thanks to that Japanese scouts in the work leaned on the Japanese and Korean population of the Far East suburb of the Russian Empire the Russian authorities could not achieve serious success in counteraction to Japanese espionage.

Долгое время борьба с разведчиками азиатских стран в дальневосточном регионе Российской империи затруднялась отсутствием межведомственного взаимодействия оперативных подразделений МВД и Военного Министерства. Однако после Русско-японской войны 1904-1905 гг. российское правительство попыталось создать региональные контрразведывательные подразделения двойного подчинения.

В 1907 г. прошли секретные заседания межведомственной комиссии МВД, Главного управления Генерального штаба и морского Генерального штаба о ведении контрразведывательной работы на Дальнем Востоке. На заседаниях было отмечено, что контрразведывательную работу в крае ведут Отдельный корпус жандармов (далее ОКЖ); Главное управление Генерального штаба (далее ГУГШ), полиция; таможенная служба и корчемная стража; морской Генеральный штаб (существовал с 1906 г.) и разведывательные отделения военных округов (существовали с 1903 г.), поэтому совещание высказалось за создание особых контрразведывательных служб - контрразведывательных отделений (далее КРО), координировавших бы деятельность ведомств [1].

Цель работы КРО состояла в выявлении и привлечении к судебной ответственности уличенных в военном шпионаже лиц на основании ст. 108-119 Уголовного уложения по изданию, 1903 г. (от 15 лет лишения свободы до бессрочной каторги) или в прекращении враждебной деятельности названных лиц административными мерами.

Позднее - 29 июля 1910 г. состоялось новое межведомственное совещание по контрразведывательной работе. Председательствовал на нем товарищ министра внутренних дел генерал-лейтенант П.Г. Круглов. Совещание высказалось за связь контрразведки с разведкой, и поэтому было

решено оставить КРО в подчинении военного руководства, но комплектовать их состав из числа жандармских офицеров [2].

2 марта 1911 г. Государственная дума утвердила законопроект ГУГШ о КРО. Начальник КРО отныне подчинялся генерал-квартирмейстеру военного округа, где действовало КРО, но жалование получал в жандармском управлении. В обязанности контрразведки отныне входило выявление фактов шпионажа, а жандармерии пресекать. Схема была такая: начальник КРО докладывал старшему адъютанту штаба округа, тот окружному генерал-квартирмейстеру. Если последний высказывался за ликвидацию обнаруженной шпионской деятельности, дело передавалось жандармам [3].

10 декабря 1913 г. вышло постановление о порядке подчинения офицеров ОКЖ, состоявших на службе в КРО. Их начальниками считались чины Генерального штаба, уже подчиненного Военному министерству и штабов округов, но финансировались они МВД (жандармерией). Дисциплинарно офицеры КРО подчинялись обоим ведомствам [4].

Как отмечалось выше в 1907 г. прошли секретные заседания межведомственной комиссии МВД, ГУГШ и Морского генерального штаба о ведении контрразведывательной работе на Дальнем Востоке.

На заседаниях рекомендовалось:

1. контролировать передвижение по краю иностранных военных атташе;
2. следить во Владивостоке и Иркутске за иностранными консульствами;
3. следить за иностранцами, вступающими в контакт с российскими подданными;
4. установить наблюдение за военными поставщиками, железнодорожными служащими и офицерами гарнизона, их разговорами в общественных местах, доходами и пр.
5. наблюдать за путешествующими с фотоаппаратурой и «лиц вызывающих военнослужащих для занятия в публикациях» [5].

В Иркутске предлагалось ввести должности начальника разведотделения, заместителя, чиновника для особых поручений, 4-х младших агентов и 2-х переводчиков. Во Владивостоке рекомендовалось ввести следующие штаты: начальник отделения, заместитель, чиновник для особых поручений, 2-х старших и 6 младших агентов и 2-х переводчиков [6].

Создавалась и морская контрразведка, поскольку наряду с торговыми в российских территориальных водах часто находились и военные японские корабли [7].

Созданная на Дальнем Востоке российская контрразведка пыталась всячески проявить себя в борьбе с японским шпионажем. С 1906 по 1910 г. по подозрению в шпионаже в пользу Японии в крае было задержано 72 и выслано из страны восемь иммигрантов. Это достаточно высокие цифры, поскольку ранее с 1854 по 1884 г. в регионе по подозрению в шпионаже находился только 31 человек. Таким образом, в начале XX в. интенсивность политической преступности выросла по сравнению с серединой XIX в. почти в 20 раз [8].

24 декабря 1910 г. на станции Раздольное начальником Никольского отделения жандармско-полицейского управления Уссурийской железной дороги ротмистром Корфом проведен был обыск в доме японца Икузиро Нагано. Помимо прочих вещей был обнаружен список тайных японских обществ. В списке значились имена руководителей следующих общественных организаций: «Урадио Киорюминкай» (Владивосток) - Даикио Кисаку; «Капу Нихандинкуай» (Хабаровск) – Кидамура Сейсаро; «Никольск-Сейрейскуай» (Никольск-Уссурийский) – Дагава Каненоси; «Буси Киорюминкуй» (Благовещенск) - Когана Кинги; «Чита Нихондинкуай» (Чита) – Сироиси Лекударо; «Суша Ихондинкуай» (Сретенск) - Мацумото Кама; «Сади Нихондинкуай» (Зея) – Икеда Сейкити. Кроме того, в деревнях Приморской области руководили местными подразделениями Хукубе Худио (Иман), Уно Сицаро (Спасское), Хундидо Сейкоро (Новокиевское) [9].

Получив сведения о японских организациях, жандармы арестовали проживающих в селе Раздольном содержателя дома терпимости Икузиро Нагано и владельца прачечной Хирато Асазиро. Им инкриминировалось выполнение служебных поручений японского генерального консула (по российским законам иностранные общественные организации, действовавшие на территории России, не имели права управляться представителями иностранной администрации). Кроме того, названные японцы были обвинены в том, что поддерживали отношения с японскими банкирами и укрывали финансовую документацию от российских чиновников, т.е. скрывались от уплаты налогов [10].

Но вмешательство МИД России прекратил наступление на японские тайные организации.

1 августа 1911 г. МИД уведомлял председателя Совета министров П.А.Столыпина, что хотя по закону все эти японские общества подлежат закрытию как нелегальные, все же следует учитывать, что по законам Российской империи с 1906 г. разрешено создание подобных обществ взаимопомощи. МИД указал на то, что российские органы правопорядка не имеют прямых улик относительно ведения представителями этих обществ разведки в России и рекомендовал не предпринимать мер по их ликвидации. Предлагалось вступить в переговоры с японским консулом и зарегистрировать общества, исключив из их устава возможные «антигосударственные элементы» [11].

Начальник жандармско-полицейского управления (далее ЖПУ) Уссурийской железной дороги полковник Щербатов в октябре 1910 г. убеждал Департамент полиции, что 80 % японцев Приморья это бывшие военные, которые ведут разведку местности. По данным военных властей, Япония имела свой разведцентр – консула во Владивостоке. К нему стекались десятки писем из Читы, Иркутска и Благовещенска, т.е. городов, где существовали японские общества взаимопомощи [12].

Однако конкретных фактов японского шпионажа российские чиновники не приводили. Всего с 1907 по 1910 г. было выслано семь японских подданных (подозрение в совершении преступления), а 60 подверглись кратковременному

аресту и административной ссылке за совершение административных правонарушений [13].

По мнению российских правоохранителей центрами японского шпионажа были бордели в крае. Так, 24 января 1913 г. начальник Иркутского ГЖУ (губернского жандармского управления) сообщил Иркутскому генерал-губернатору, что путем негласного расследования совместно с контрразведкой установлено, что члены японских обществ «взаимопомощи», в которые входят проститутки, поставляют коммерческую и военную (о передислокации российских частей и состоянии системы управления краем) информацию японскому консулу во Владивостоке [14].

Всего, в Хабаровске на 1 января 1910 г. было 8 публичных заведений, в обслуживании которых работали 14 японцев и 118 японок-проституток. Во Владивостоке – 17 заведений с 230 проститутками. В Благовещенске было 4 публичных дома с 32 профессиональными жрицами любви из Страны восходящего солнца. В Чите действовало три заведения с 21 девушкой. В сельском Имане (воинские части) также было открыто три публичных дома с 31 японкой, в селении Новокиевском – три проститутки-японки работали в одиночку. В Сретенске в трех публичных домах было 29 женщин. В Нерченске торговали своим телом шесть японок. В селении Раздольном был только один публичный дом с девятью гейшами, а в Никольск-Уссурийском целых семь с 64 жрицами любви. Наконец, в городе Зея в пяти публичных домах значилось 40 проституток [15].

Вместе с тем была развита нелегальная проституция. Так, в китайском пограничном городке Мохэ в 1907 г. жили 20 японцев мужчин и 40 женщин-японок. Большинство подданных микадо работали в публичном доме. Японки из дома терпимости зарабатывали себе на жизнь тем, что переходили границу и работали в российских казармах, расположенных сразу же за Мохэ [16].

Японки официально устраивались на работу в качестве прачек, на самом же деле они торговали своим телом. Иногда японцы из Китая приезжали даже в Благовещенск и подыскивали квартиры для временного нелегального публичного дома. Существовала категория и нелегальных низкооплачиваемых японских проституток, которые действовали вдоль дороги. Они обслуживали контрабандистов-спиртоносков по пути от Зеи до выселки Цыгоян [17].

Следует отметить и то, что, по официальным документам МВД, китайская проституция почти отсутствовала в Забайкальской и Амурской областях (Отчет Благовещенского врачебно-полицейского комитета по дозору за проституцией при МВД от 9 июня 1915 г. [18]), но доминировала в Приморской области. Как свидетельствуют статистические данные МИДа за 1912 г., в городах Приморской области наиболее массово занимались проституцией китайки. Тогда в крае находились, помимо русских, 478 китайских, 348 японских и 22 европейские путаны [19].

Наибольшее развитие проституция приобрела в портовых городах, поскольку владельцы получали большие прибыли от массового потребителя – военнослужащих Приамурского военного округа, моряков Тихоокеанского военного флота, иностранных и российских моряков торговых флотов.

Улицу Пекинскую (ныне адмирала Фокина) во Владивостоке, особенно в начальной ее части, в простонародье именовали улицей «красных фонарей». Подобного типа заведения были и на улицах Корейской (Пограничной), Семеновской, Фонтанной и во многих домах корейской слободы. Контингент проституток в корейских публичных домах был в основном китайский. Японские же публичные дома возглавляли японцы и персонал там был японский.

Долгое время в российском законодательстве не было норм, по которым иностранцы могли быть привлечены к правовой ответственности за организацию притонов.

Юридической причиной усиления борьбы с проституцией иностранок в России стал указ Приамурского генерал-губернатора от 22 января 1911 г., которым предписывалось:

- 1) запретить иностранцам открывать новые публичные дома в крае;
- 2) установить за публичными домами с иностранным персоналом строгий полицейский надзор;
- 3) взамен закрываемых иностранных домов терпимости открывать только русские, не допуская туда ни китайцев, ни японцев, даже в качестве прислуги [20].

Третьего марта 1912 г. Военное министерство и Министерство юстиции представили в Государственную Думу законопроект «Об изменении действующих законоположений о государственной измене путем шпионства», которое модернизировало крайне либеральные законоположения о шпионаже 1903 г.

По новым статьям «Уголовного уложения» виновный в оказании содействия правительству или агенту иностранного государства в собирании сведений или предметов, касающихся внешней безопасности России или вооруженных сил ее, наказывался заключением в исправительные заведения на срок до трех лет (ст.111). В ст.112 говорилось, что виновный в снятии или составлении чертежа, рисунка, изображения, составлении описания российского укрепленного места, военного судна или любого другого места, предназначенного для военной обороны, наказывался заключением от трех до восьми лет [21].

Стремясь к профилактике японского шпионажа, начальник жандармско-полицейского управления Забайкальской железной дороги докладывал 8 октября 1912 г. Иркутскому генерал-губернатору, что "состоявшие на службе в Сибирских курьерских поездах «Международного Общества спальных вагонов» японские и китайские подданные на основании циркулярного предписания штаба Отдельного корпуса жандармов от 6 июля 1910 г. № 356 удалены со службы".

Кроме того, жандармский начальник уведомлял о необходимости запрещения набора на службу в станционные буфеты иностранной прислуги [22].

На основании этих рекомендаций 7 февраля 1913 г. Иркутский генерал-губернатор подписал указ о регистрации всех прибывающих в край японских и китайских подданных. Японские общества подлежали регистрации. За ними

предписывалось установить негласный надзор. Японцам, равно как и китайцам с корейцами, запрещалось проживать на железнодорожных станциях, имеющих стратегическое значение [23].

Упоминание корейцев было связано с тем, что они часто становились агентами японской разведки. Японская разведка, по секретным сведениям региональных подразделений МВД, старалась войти в контакт с корейскими старшинами и собирать через них сведения экономического и политического характера [24].

Японские дипломаты стремились привлечь на сторону Японии корейское население русского Приморья путем подкупов и различных благотворительных мероприятий. Так, во Владивостоке японский консул предлагал корейским купцам вступить в японское торговое общество и пользоваться покровительством японских дипломатических служб. Он ассигновал 50 000 руб. на помощь бедным корейцам.

В течение 1911 г. японцы решили с помощью российских спецслужб расправиться еще с одним активным участником антияпонской борьбы Чхве Джэхеном. С помощью своих агентов они сфабриковали сведения о том, что он якобы вошел в тайные сношения с японскими властями. Начальник штаба войск Приамурского военного округа даже предлагал арестовать Чхве (Цоя). Однако начальник ЖПУ Уссурийской железной дороги Щербаков, хорошо осведомленный об антияпонской деятельности Чхве Джэхена заявил Свечину, что военная контрразведка стала жертвой японской дезинформации [25].

В марте 1913 г. в штаб Приамурского военного округа поступили сфабрикованные японским агентами сведения о том, что новый председатель общества «Квонопхве» Ли Джонхо перекуплен японскими службами и передал им сведения о численности и деятельности корейцев в России. Ли Джонхо немедленно арестовали. Но материалы следствия не подтвердили его причастности к японской разведке, и он вскоре был освобожден. Выяснилось, что Ли Джонхо является враждебно настроенным к Японии политическим деятелем [26].

Но положение изменилось в годы Первой мировой войны.

Царское правительство в условиях начавшейся войны с Германией укрепляло союзные отношения с Японией. Поэтому министр иностранных дел Сазонов предписал бороться против антияпонской пропаганды. Корейцев же занимающихся этим он рекомендовал высылать в отдаленные местности региона [27].

Антияпонская деятельность корейцев на территории Росси в годы войны осложнялась также многочисленными провокациями, осуществляемыми японцами в целях борьбы «русскими руками». Дело в том, что в 1915 г. в Мукдене было образовано германо-корейское политическое общество «Крепкой охраны», которому германское правительство поручило совершать в Маньчжурии и Приамурье при содействии китайцев и корейцев разного рода враждебные России и Японии акты, создавать тайные общества в Хабаровске, Владивостоке и других городах России с целью организации диверсий, убийств высокопоставленных чиновников [28].

В 1916 г. германское и австро-венгерское консульства в Шанхае установили связи с проживающими там корейскими эмигрантами, стремясь склонить их к организации диверсии на КВЖД и нападению на военные склады в Харбине и Владивостоке и поднятию восстаний в Приморской области при помощи интернированных в Никольск-Уссурийском австро-венгерских военнопленных. В награду за все эти действия немцы обещали корейцам содействие в восстановлении независимости Кореи и денежное вознаграждение в 1,5 млн. долл. [29].

Сведения о контактах германских агентов с корейскими представителями были использованы Японией для организации многочисленных провокаций против корейцев живущих на российской территории. Японские агенты распространяли слухи, что в сношение с немцами вошли Ли Донхви, Ли Джонхо и другие деятели антияпонского движения.

Так, в декабре 1916 г. корреспонденты прояпонской газеты «Маньчжуриа Дейли Ньюс» организовали «утечку информации» о том, что корейцам Ли Донхви и Юн Хэ германские агенты поручили разрушить КВЖД. Газета сообщала также, что германский кайзер передал через своего посла в Пекине собственноручное письмо бывшему корейскому посланнику в Берлине, в котором будто бы дал торжественное обещание восстановить независимость Кореи [30].

На основе этих провокационных слухов и материалов, распространяемых японскими дипломатами царские власти в начале 1917 г. арестовали Ли Донви и Ли Джонхо.

После Февральской революции в России Временное правительство в знак союзнической солидарности с Японией продолжало содержать Ли Донхви и его товарищей в тюрьме. В конце августа 1917 г. закончилось следствие по делу корейских националистов. Хотя никаких доказательств шпионажа Ли Донхви в пользу Германии не удалось добыть тот, как человек замеченный в сношениях с «лицами, подготовляющими выступления во вред России» он был задержан [31].

В первых числах октября 1917 г. отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба сообщил штабу Приамурского округа о высылке корейского подданного Ли Донхви в наиболее отдаленную от границы местность Приамурского края.

Это решение не удалось реализовать, так как Совет рабочих и солдатских депутатов революционного Владивостока освободил корейского инсургента и позволил вернуться ему к антияпонской деятельности [32].

Таким образом, до начала Первой мировой войны основной формой политических преступлений, совершаемых на русском Дальнем Востоке, был японский шпионаж. Однако громких дел в отношении японских разведчиков на Дальнем Востоке не было. Российские власти ограничивались административной высылкой японских и корейских лиц находившихся под подозрением в шпионаже в пользу Японии. Большие трудности для оперативной работы японской разведки в крае создавали корейские националисты, не желавшие сотрудничать с оккупантами своей родины. Вместе с тем, японская разведка воспользовалась политической конъюнктурой

в годы Первой мировой войны и смогла добиться высылки корейских националистов в отдаленные местности Приамурского края, обвинив тех в пособничестве германским специальным службам.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф.2000. Оп.1. Т.5. Д.6772. Л.3 об.-5 об.
2. Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905-1917 гг. Шпиономания и реальные проблемы. М.: Изд. центр. научн. и учебн. прогр., 2000.- С.126.
3. Там же. С.127;128.
4. Греков Н.В. Русская контрразведка в 1905-1917 гг. Шпиономания и реальные проблемы. М.: Изд. центр. научн. и учебн. прогр., 2000.- С.211.
5. РГВИА. Ф.2000.Оп.1.Т.5.Д.6772-73.Л.Л.3об.-5об.
6. РГВИА.Ф.2000.Оп.1.Т.5.Д.6772-73.Л.5об.;12.
7. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее РГИА ДВ). Ф.702. Оп.1. Д. 604. Л.3-10.
8. Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). Ф.Тихоокеанский стол. Оп.487. Д.999. Л.13.
9. АВПРИ. Ф.Тихоокеанский стол. Оп.487. Д.999. Л.22.
10. АВПРИ. Ф.Тихоокеанский стол. Оп.487. Д. 758. Л.1-2.
11. АВПРИ. Ф.Тихоокеанский стол. Оп.487. Д. 758. Л.9.
- 12.АВПРИ. Ф.Тихоокеанский стол. Оп.487. Д.766. Л.2-12.
13. АВПРИ. Ф.Тихоокеанский стол. Оп.487. Д.999. Л.40-51.
14. АВПРИ. Ф.Тихоокеанский стол. Оп.487. Д.999. Л.10; 14.
15. АВПРИ. Ф.Тихоокеанский стол. Оп.487. Д.999. Л.434-437.
16. РГВИА.Ф.1558. Оп. 3. Д.22. Л.31.
17. РГВИА.Ф.1558. Оп. 3. Д.22. Л.41.
18. Государственный архив Читинской области (далее ГАЧО). Ф.26. Оп.2. Д.29. Л.91.
19. АВПРИ. Ф.Тихоокеанский стол. Оп.487. Д.1056. Л.7 об.
20. РГВИА. Ф.1558. Оп.3.Д.17. С.23.
21. РГИА ДВ. ф. 702. оп. 1. д.181. л. 21.
22. Государственный архив Иркутской области (далее ГАИО). Ф.25. Оп.11. Д.38. Л.4-6.
23. ГАИО. Ф.25. Оп.11. Д.38. Л.30-33.
24. РГВИА. Ф.2000. Оп.1. Т.1. Д.1050. Л.192.
25. Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. Иркутск: ИГПИ, 1994.-С.172.
26. Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. Иркутск: ИГПИ, 1994. - С.196.
27. АВПРИ.Ф. Тихоокеанский стол. Оп.487.Д.767.Л.11.
28. АВПРИ. Ф. Японский стол. Д.25.Л.61-62.
29. АВПРИ. «Тихоокеанский стол». Оп.487.Д.767.Л.14-15.
30. Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. Иркутск, 1994. - С.212.
31. АВПРИ.Ф. Тихоокеанский стол. Оп.487.Д.1020.Л.2-5.
32. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол. Оп.487. Д.1020.Л.6.